

Экклизии

Неополитики

Джордж Лиминима Эккисици Неополитики

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24615617
SelfPub; 2017*

Аннотация

Некогда в обычном московском дворе жила группа молодых советских учёных. Через сорок лет судьба собирает совсем немногих оставшихся из них вместе. Странные события сегодняшнего дня и тайны их прошлого закрутят новый водоворот событий, центром которого является поиск ответов на вопросы, волнующие вас сегодня.

Предисловие

Есть мощная дилемма в современном мире – это гигантская разница между уровнем технического прогресса и социальным устройством общества. С широко раскрытыми глазами и неприятием мы наблюдаем коллизии, происходящие в современном мире. Ещё лет 30 назад мы считали, что в XXI веке будет установлен прочный мир во всём мире, и люди приступят к завершению борьбы с заболеваниями, старением, социальным неравенством и загрязнением окружающей среды. Да, бозон Хиггса, адронный коллайдер, новые сверхмощные телескопы, геномная инженерия, клонирование, нанотехнологии – с одной стороны. А с другой – вспышка насилия по всему миру, враньё и подавление инакомыслия, государственные перевороты и рост коррупции, экономические кризисы и бегство населения. Из глубин небытия, как казалось, вырываются варварство, братоубийство, религиозные распри, терроризм поражает страны, как чума, и вот, уже пошли разговоры о Четвёртой мировой войне.

А что на индивидуальном уровне? Вроде технологии дают нам широчайшие возможности: не вставая со стула, можно получить практически любую информацию, оформить заказ на покупки и путешествия, установить круг общения на любую тему, увидеть звёзды и планеты, творить, общаться и работать. Мы можем обучаться, исследовать и создавать необычайные процессы и вещи. Но принесло ли нам развитие технологий долгожданную свободу мыслиеизъявления и

самовыражения, взаимопонимания и признания? К сожалению, однозначно не ответить. Страх улицы и общественных собраний возрос, увеличилось число голодающих и проживающих за чертой бедности, вернулись репрессии. Рак перерастает в пандемию, и, как ни странно, растёт число неврозов и депрессий, включая суициды. Человек по-прежнему зажат, нервозен и бесправен, а интернет чаще использует как отхожее место.

Как же так? Почему наш высочайший интеллект в научной и технической сферах, наши новые знания, доступность культурных и духовных ценностей не приводят к росту чувства счастья и гармонии, чувства нужности и защищённости, открытости и общей свободы? Одна из причин – это то, что человечество не направляет высоту своего потенциала и лучшие умы на решение задач социального и политического характера, на создание ясной, прозрачной и логичной системы. Коррупция, преступность и терроризм – не в книгах, они за окном. Задача эта совсем не проста, она очень многоаспектна, и если даже эти аспекты раскладывать на взаимодействующие составляющие, то их исследование затрудняется тем, что, в отличие от физической системы, они способны менять свои характеристики и поведение под воздействием изучения информации о них.

Решение этой задачи я хочу разделить с Вами – с тем, кто не боится браться за «неодолимое», в ком чувство совести, морали, справедливости не позволяет мириться с окружаю-

щим вертепом, в ком стремление к гармоничному и достойному скрежещет об окалину и грязь сегодняшней действительности. Эта книга – не учебник, а приглашение к разговору. Читая, спорьте, но не хулите, а предлагайте. Я постарался обойтись без ругани и обвинений, чего прошу и у Вас.

Что-то Вам покажется простым и знакомым – так и должно быть. Встраиваясь в систему, оно обретёт полный смысл. Просто двигайтесь дальше, можете перескакивать с главы на главу, выбирая интересное. Но всё же эта книга построена на системе, которая начиналась с физических, а далее и метафизических построений. От их основ исследование пошло дальше – через экономику и психологию, физиологию и социологию. От общего к частному. Но изложение пойдёт обратным порядком – от простого к сложному. Я не хочу потерять Ваш интерес на общем теоретизировании, до него, возможно, дойдёт после насущного и актуального. Старайтесь следовать предложенной логике повествования.

Книга написана в литературном жанре и построена в основном на дискуссиях главных героев, чтобы начать наш разговор с Вами. Строя будущее, следует оглядываться назад и думать о последствиях, искать безопасные, постепенные и гармоничные пути поиска и внедрения идей и механизмов. Без революций и потрясений, без обвинений и насаждений. Как если б старое опало, как пожухлый лист, а на его месте началась новая жизнь. И надо отдавать себе отчёт в том, что старое и реакционное будет использовать идеи, заложенные

здесь, чтобы, извратив и переврав, создать себе «костыль» или «подтяжку» – за этим надо будет следить совместно, следить и упреждать. Система, как я надеюсь, должна получиться устойчивой, защищённой и саморазвивающейся. При достаточном наборе элементов она сложится, как пазл, и самостоятельно начнёт исправлять недостатки и выявлять попытки искажения.

Представляю на суд читателей первую часть книги, в которой даются необходимые элементы для понимания и построения будущей системы, а также происходит знакомство с главными героями, что, надеюсь, будет для Вас интересным.

Глава 1. Астрофизик

Вот седовласый астрофизик, учёный с мировым именем, лауреат премий и носитель почётных научных титулов, счастливый тем, что наконец, после долгих десятилетий, воплотился в жизнь один из великих проектов его института. Сегодня, как и обычно, он засиделся допоздна в своей лаборатории, синхронизируя данные нового космического радиотелескопа с данными радиообсерватории в Пуэрто-Рико. Но ночевать в институте давно запрещено, и он выходит на мороз, спеша на последний троллейбус. Своей машиной он так и не обзавёлся, так как его зарплата не дотягивает до уровня водителя троллейбуса, уже знакомого и привычного приветливого парня, так и не окончившего среднюю школу и приехавшего на работу из далёкой солнечной страны. Но

нашего профессора это не задевает, много чудного и несуразного видел он в своей жизни, не меньше видит и сейчас. Одно он понял – за право свободно мыслить, пусть даже в рамках собственной головы, надо многим поступиться.

Последние сто лет, а возможно и ранее, люди развитого интеллекта, неважно в какой сфере, представляли опасность для тех, кто управлял толпой, с крестом ли, орлом или звездой на груди. Его наставник и учитель работал поначалу за колючей проволокой под надзором красноармейца с винтовкой, а далее была разработана система короткого незримого поводка, работающая и сейчас. Вжимая голову в плечи, проходит он мимо полицейского патруля, по опыту не ожидая от них ничего хорошего. За стенами институтской лаборатории его права становятся эфемерны, равно как и безопасность. Случись чего – адвокаты недоступны, их гонорар начинается от шести зарплат начальника лаборатории центра, и это только начало, далее нужна сумма на преодоление коррупционного барьера, равная финансированию бюджетной темы научной лаборатории за год. Государству же всё безразлично, при подаче даже обоснованного заявления будет отписка или встречное обвинение. В коррумпированном обществе взятка является энергией, приводящей в движение любой госмеханизм. Человек, пытающийся провести свои требования и гражданские права просто по закону, как налогоплательщик, рассматривается как лицо, нарушающее установленные правила, и попадает в сумрачное, вязкое простран-

ство из неадекватных заявлений, отписок, игнорирований, а нередко и противоправных действий.

«Вы просто инертны и даже не пытаетесь ничего делать!» – вскричал как-то наш Астрофизик и стал бегать по инстанциям с заявлениями и жалобами, с закладками в Конституции, выписками из Административного и Уголовного кодексов. Родня и коллеги висли у него на руках, умоляя не делать глупостей. По счастью, в очередном кабинете ему попала молодая прокурорша, которая, отпаивая его чаем, терпеливо объяснила ему существующие реалии. О том, что и в отношении неё закон не исполняется и она живёт с мужем и ребёнком который год в коммунальной квартире. Пожалевав его как отца, она сделала несколько звонков, урегулировавших последствия его походов, а на заявлении написала: «Взято на контроль». Никто так ничего и не исполнил, но и зла не сделали. А наш герой вернулся на высокие орбиты своих звёзд и диапазоны пульсаров.

Скрипя удобными ботинками «Прощай, молодость!» по солёным прогалинам, вошёл он во двор своего дома, заставленный невымытыми машинами. Там, где когда-то была хоккейная коробка, возведённая им с приятелями и аккуратно обсаженная деревцами, теперь была площадка, мощёная тротуарной плиткой. Верхом на страшеньких лавочках сидели златозубые парни, вытеснившие местных хулиганов, и ангажировали пьяненьких страшилок. Их коллеги по цеху завалили подъезд тюками и коробками и старательно утрам-

бовывали мешки в лифт. Старый лифт возил их на самый верх, на чердак, где ушлый управдом сдал чердачное помещение под предлогом ремонта. Глядя из-под низко надвинутых шапок, работяги расступились – за порядок в подъезде отвечал их смотрящий.

Заселение гастарбайтеров началось при первом управляющем ТСЖ. Везде царил бардак и раскардаш. Управляющий же погряз в суде с муниципалитетом за право устанавливать «ракушки» и ограду для двора. Второй судился с первым, так как бюджет оказался пуст, плюс долги, и ремонтировать было не на что. Тогда следующим управляющим избрали бизнесмена. Тот составил план, начал ремонт собственными силами, но быстро сдался, погрязнув в текучке, которая сопровождалась полной утерей документации предшественниками, продолжающимися дрызгами с городом, авральными работами, пьянками постоянно меняющихся работников и пр. Собственный бизнес стал страдать, и бизнесмен самоустранился. Дрызги жильцов вылились в интернет, началось их настоящее противостояние. К регулярным неплательщикам коммунальных услуг присоединилась ещё добрая четверть.

В этих обстоятельствах замглавы муниципалитета настоятельно порекомендовал «перспективного управляющего» – естественно, как оказалось, непристроенного родственника. Тот сразу после утверждения пришедшим на голосование «большинством» жильцов перебрался жить в цокольный этаж. Город тут же выделил средства на ремонт труб и ис-

правно работавшей котельной. Заменяли зимой асфальт на внутридомовой дороге и зачем-то бордюрный камень. Практически весь цокольный этаж, за исключением комнат домоуправления, был сдан в аренду, а одно из чердачных помещений каким-то чудом переведено в категорию жилых помещений и заселено гастарбайтерами.

И тут случился казус – кто-то из «гостей» в праздничный день тиснул в лифте недавно переехавшую блондинку. На разбор прямо из-за праздничного семейного стола примчался её покровитель – невысокий мужчина квадратного телосложения. После ужасающего акта членовредительства он провёл построение всех жильцов чердака, показал удостоверение и объявил новый порядок: теперь все гости стали ответственными за уборку подъезда по вывешенному внизу графику, чистоту придомовой территории и, позже, её охрану. А также мелочи, как то: регулярная мойка машины Мармеладки, как он называл свою пассию, и доставка сумок с продуктами к её двери. За численность проживающих наверху и их еженедельную поверку ответственным вскоре стал участковый, не хотевший быть обвинённым в распаднике нелегалов и должностной халатности, а может и ещё чего. Следом мужчина спустился в цокольный этаж, и там досталось управляющему, с которого, в частности, был введён подушный оброк с каждого чердачника. Позже, по настоятельной рекомендации гостя, оформленной соответствующим письмом, управляющий ввёл электронную систему до-

ступа проживающих в подъезды, а карточки с электронными ключами не за бесплатно раздал проживающим.

С тех пор дом засиял. Неплательщики подолгу стояли, матерясь, у подъезда, ожидая, что кто-нибудь откроет дверь, и после недели мытарств и тысячи письменных жалоб подписали с ТСЖ график реструктуризации долга в обмен на ключ. Летом, вернувшись с отпусков, народ обнаружил, что хоккейная коробка снесена, деревья попилены, а на их месте тротуарной плиткой выложена площадка со скамейками и металлической оградкой. Управляющий активно помогал городу осваивать ресурсы, направленные на родственные производства. Жильцы вскипели, ведь коробка была единственным местом, где можно было сыграть в футбол и баскетбол, а зимой покататься на коньках. Сажены деревьев же всем двором возили из соседнего лесопарка. Страсти дошли до того, что было привлечено телевидение, перед камерами которого жильцы излили весь гнев. Вскоре вышла ожидаемая всеми передача. В ней рассказали, как благодаря одному талантливому руководителю удалось за год из бардака создать образцовый дом и двор. Показали чистые подъезды с системой электронного доступа, опрятный двор с импровизированной охраной и камерами, новым асфальтом и крашеным бордюром, показали центральную площадку с лавочками и мини-клумбой, рассказали о былых проблемах с задолженностями и неплатежами. И интервью молодого энергичного руководителя. Тот сразу после выхода передачи легали-

зовал чердачников. Были введены в штат уборщики, охранники, озеленители, ремонтники и прочие с солидным уровнем оклада. А если кто-то хоть пискнет о реально получаемых деньгах, то выгоняли сразу по трое, как, впрочем, и за другие провинности. Такая вот круговая порука для бесправных. Расходы же естественно компенсировались значительным увеличением коммунальных платежей жильцов за счёт увеличения калькуляции на новые статьи затрат.

Среди жильцов и так уже был раскол, и тут партия «не надо возникать, хуже будет» обрушилась на активистов, обвиняя их в удорожании. Другая часть вообще на всё забила, так как им надо было добывать хлеб насущный и детей растить, а не дрызгами заниматься. Поскольку бумаги от жильцов шли во все инстанции не первый год, они уже всем осточертели, и шансов получить оттуда поддержки не было. По времени как раз надвигалось годовое собрание – основной инструмент реализации собственниками своих прав. Однако «партия справедливости» была уже в меньшинстве, а управляющий набрался опыта, и в результате в один из дней, после ряда переносов даты мероприятия, жильцы получили через почтовые ящики утверждённый протокол общего собрания, где все действия управляющего одобрены вместе с отчётом и всё, естественно, было совершенно по закону.

Как так получилось, я не буду рассказывать, дабы не учить заинтересованных дурному. Ревизор товарищества, на которого тоже надеялись – солидная дама из топовой аудитор-

ской компании, привлечённая к работе во времена бизнесмена-управляющего и отлично себя зарекомендовавшая – также утвердила отчёт, правда с целым веером гневных замечаний по несущественным вопросам. Мало кто знал, что скандальная программа «Рет Люда» («адюльтер» наоборот) того же телеканала, что сделал программу об управляющем и дворе, поймала нашего ревизора на измене мужу прямо в собственном офисе. Программа об этом в эфир не вышла, ревизор получила все рабочие материалы телепередачи на руки...

Именно в это время наш Астрофизик, считавший каждую копейку и подначиваемый юристом-народником из общественной организации, бегал по правоохранительным кабинетам, размахивая кодексами, где, как мы уже знаем, и получил прививку химерной адаптации к установленному порядку. И слава богу, без последствий, ну или почти. Однако параллельно, интуитивно ощущая реальную нить полотна, он отписал письмо старому знакомому, работнику госбезопасности, сопровождавшему его в былые времена в поездках с циклом лекций и семинаров по Франции. Тогда у них сложились приятельские отношения, и Астрофизик счёл возможным именно сейчас обратиться к нему с просьбой, проведая, что тот ушёл далеко наверх. Своё письмо он начал со слов «мон шер»...

Именно с этих слов – «мон шер» – начал свою речь коренастый человек в дорогом костюме, внезапно вошедший ве-

чером в институтскую лабораторию. В нём наш герой сразу узнал патрона Конфитюрки или, говоря по-русски, покровителя Мармеладки. Мужчина выглядел серьёзно и дорого и говорил на неплохом французском, что, может быть, и выглядело вычурно, но, учитывая наличие в комнате других сотрудников, было оправдано, не говоря уж о том, что эффективно. Его появление в стенах всё ещё режимного института и использованное обращение сразу ответили на вопрос о предмете его визита. Он заверил визави в своём совершеннейшем почтении и даже искренне улыбнулся.

Возможно, так и было: его домашняя протезе поначалу сильно ныла, что он поселил её в дыру, а не в элитную постройку. Но тот объяснил ей, что это цивильный дом, сплошь заселённый интеллигенцией – врачами, академиками, конструкторами. А антураж он скоро поправит, главное – среди кого живёшь. Отдельно он отметил известного астрофизика наверху подъезда. Девица понимала, что вопрос на самом-то деле в половинной цене от реально элитного аналога. Но приняла правила игры и разместила на своих незатейливых страницах в социальных сетях среди прочего обложки зарубежных работ академика, как она его называла, поднимая в глазах подруг статус своего жилища.

Так вот, в своей речи, при всём её недружелюбном окрасе, патрон де Конфитюр поблагодарил профессора за его хождения и петиции и сообщил, что, несмотря на вызывающий манер его действий, принято решение о строительстве но-

вой хоккейной коробки на маленьком сквере перед домом, а лично ему объявлена жёлтая карточка за неэтичное поведение.

Футбольный термин был использован не случайно. Дело в том, что хоккейной она была зимой только для детей. На самом же деле она являлось гладиаторской ареной для футбольных баталий среди мужчин близлежащих домов. Особенно зимой, когда мяч превращался в заледеневший каменный снаряд, начинались brutальные схватки. В специальной защитной экипировке они носились по запорошенному снегом льду и били по мячу своими канибадамскими ботинками с такой силой, что когда мяч врезался в деревянные щиты ограды, раздавался звук, от которого подпрыгивали и крестились старушки в квартирах. Хотя выше пояса бить не разрешалось, вратари рисковали получить сотрясение мозга от попадания в голову. Игра была быстрой, с бортами, стоял крик и ругательства, но всегда без мата, за игрой следила масса зрителей с балконов и окон. Играли на интерес: пара бутылок коньяка, ящик пива или более прозаичный бидон квашеной капусты. А то и просто на «жопки», когда проигравшая команда вставала спиной полусогнувшись и получала серию пенальти по заднему месту. Поверьте, каменным мячом – это совсем не сахар. Но главный приз, конечно – это звание победителя. И чаще всего им становилась команда хозяев, то есть та, в которой играл наш академик.

Да, он был совсем не синюшный червь от науки. Под дра-

повым пальто и шапкой с очками скрывалось высушенное, жилистое тело азартного бородача, который никогда не пропускал ни лыжных гонок, ни марафонов. И поздороваться с ним за ручку было когда-то большой честью для любого местного хулигана. Так что коробка эта была символом мужской доблести в микрорайоне, и её снос был актом, оскорбляющим достоинство и память бойцов, сродни публичной кастрации.

Услышав о возрождении коробки, наш профессор вцепился взглядом в гостя и неучтиво спросил, понимает ли тот, что скверик относится к общежитию другого госинститута, земля эта не муниципальная, а федеральная, и вопрос надо решать с государством. «L'état c'est moi» («Государство – это я») – ответил гость и сопроводил это таким взглядом, что слова будто продавились от переносицы до мозжечка учёного. «Так, да не так!» – вдруг прозвучало позади.

В дверях стоял седовласый академик – директор астроцентра, замечательный человек, в прошлом борец-любитель, депутат разогнанного Верховного Совета, уже история и последний столп науки. Гость отнёсся к появлению директора снисходительно, и даже не собирался представиться. Но слова принадлежали не ему. Из-за спины академика выступила немолодая, но всё ещё эффектная женщина с восточным типом красоты. Гость знал её по недалёкому прошлому, знал случайно, через, пожалуй, единственного своего друга. И то, что было ведомо ему, ставило его в тупик.

Она обладала властью непонятной природы, более весомой, чем ведомство гостя. Будучи замдиректора НПО со сходным с центром названием «Астрофизика», она была недостижима и неуловима. Но и встречи с ней тоже избегали, просто боялись. Сокращённая вместе с огромным числом сотрудников, она вроде как бы совсем исчезла. И тут...

Она стояла во всём блеске, в переливчатом зелёном платье с подобием крупной чешуи. Наш удав де Конфитюр напоролся на гораздо более крупную анаконду. И однозначно, умом и интуицией понял две вещи: первое – это встреча не случайна, и второе – надо ретироваться достойно, но спешно и, желательно, не разговаривая. С большим достоинством, отвлекающим движением и уместной прибауткой-извинением он скользнул в коридор и растворился в нём. Оценив скорость и изящество манёвра, директор понял, что он был лишь сопровождающим, и спросил свою спутницу:

– Кто это?

Он был явно не рад нахождению незнакомца в стенах его центра.

– Исхименит, – ответила она и, почему-то повернув голову к нашему физику, добавила: – Я расскажу Вам позже.

Она сделала пасс рукой, и учёные постепенно вышли из ступора, провожая взглядом удаляющуюся пару.

Кто такие исхимениты, я Вам тоже расскажу позже. Частично персонажи, которых Вы встречаете здесь, являются героями совсем другого повествования, и здесь, не упоми-

ная их имён, я привожу лишь очень краткое их описание и повествую об их мыслях и деяниях, относящихся лишь к теме данной работы, чтобы Вам не так скучно было читать. А пока позвольте вернуться к тому позднему вечеру, когда наш первый герой, возвращаясь домой, протиснулся между тюками гастарбайтеров и стал взбираться по лестнице.

Физик равнодушно шмыгнул наверх, за годы в нём выработалась толерантность. Он даже вступил с гостями в симбиоз, сдав по требованию жены на лето свою квартиру. Взамен он получил простенький ремонт и вроде новую газовую плиту. Его сейчас больше расстроило, что он запачкал пальто, протискиваясь между машинами у подъезда. Одна принадлежала беспечной девице, взявшей за пример Мармеладку и пытавшейся наплевательским поведением обозначить свой повышенный социальный статус. Вторая – старому приятелю Астрофизика, некогда доросшему до директора предприятия, но недавно дошедшему до критической точки в отношениях с министерством из-за своего упрямого нежелания работать по «системным» правилам, в которых профессионализм и достижения были совсем не главными. Вопрос о его уходе был уже решён, жена разразилась очередной истерикой, и, плюнув на всё, он вернулся жить в свою старую квартиру, принадлежащую матери. Усталый и простуженный, после стояния в многочасовых пробках, он не нашёл в себе силы на поиск места у дома или пешую прогулку от дальней парковки и бросил грязную машину у подъезда,

мысленно извинившись перед соседями.

Проходя лестничные площадки, наш герой вспоминал былые времена, как, приходя друг к другу в гости, они часами и ночами спорили, рассуждали о бытии, о мироздании, его законах и поведении, о человеческой ответственности за отъём тайн у вселенной и многом прочем. Толпою аспирантов и разнородных младших сотрудников переходили от одной лестничной площадки к другой и, прокуриив одну квартиру, шли пить кофе и спорить дальше в другую. Могли ли они тогда предположить, что история завалит весь их научный локомотив на обочину и время распылит их по странам и континентам? Что звоня в Нью-Йоркский институт, он будет слышать всё тот же неугомонный смех однокашника из соседнего подъезда, а позвонив в Харьковский институт, слышать обиженную речь их старого приятеля и некогда жизнерадостного завсегда́тая компании? Как же так всё вышло, разве такое будущее они себе представляли?

Но вот и последний этаж, его квартира. Всё те же работы теперь вынимали тюки из лифта и заносили наверх, на чердак. Снова пришлось протискиваться. Дешёвая железная дверь клацнула, открываясь, и он вошёл в прихожую. Уже оттуда он увидел, что на их маленькой кухне разыгрывается МХАТовская сцена: заломив руки, жена декларировала: «Нерусское, нерусское там всё!»

В гостях был сын, уже маститый специалист-ITшник, давно и осознанно покинувший Родину. Искренне беспокоясь о

родителях и мечтая их перевезти, он, помимо прочего, занимался переводом, компиляцией и подготовкой к публикации серии работ отца, готовя материальное обеспечение его старости и, главное, поддерживая интерес к его имени для ещё возможного перехода его на новое достойное рабочее место.

– А что же здесь русского-то? – Сын обвёл глазами кухню, бросил взгляд в окно. – Мебель – итальянская, шторы – шведские, техника и телевизор – европейские, машины – немецкие, японские... Берёзки? Иван да Марья? Так берёза с дубами и рябиной растёт по всей средней полосе – и в Германии, и в Канаде. Иван и Марья – имена иудейские, а у нас с вами имена греческие, так как веры мы византийской.

– Не ёрничай, здесь наша земля, могилы предков, их труд, их подвиг!

– Земля? Наша? Да здесь припарковаться-то негде! Кругом заборы да шлагбаумы. Летом, помнишь, на лодке остановиться негде было, весь берег в запретных табличках. И про могилы! Если б я налом не проплатил, где б вы деда хоронили, а?! А как его лечить не хотели и недолеченного из больницы вытурили? Это при всех его заслугах, наградах и подвигах! – Он снова повернулся к окну и кивнул подбородком на соседний дом. – Шёл к вам, заводских снабженцев встретил, они продукты бывшему начальнику производства носят. Какой человек был! Гроза! Министру обороны среди ночи звонил. А сейчас – немощный, нищий старик, глаза на мокром месте, и кланяется, кланяется за картошку и хлеб, за

то, что хотя бы эти не забыли, навешают. И про культуру ты мне не говори, то, что приезжает к нам в отели на шопинг и по делам – это всё выхолощенная, пустая публика, за очень редким исключением. Не читают, не знают, не думают. Пошлость и злоба.

– Но тебя-то здесь вырастили и выучили!

– Кто меня выучил, все вперёд меня уехали. Вот только кто вырастил, – посмотрел на отца, – чего-то упирается. Вроде уж низвели в самый низ, только что ещё квартиру не отобрали – нет, всё упирается. А ведь там приглашают, ждут... Дом вам в кондоминиуме присмотрел, там соотношение русских больше, чем у вас в вагоне метро. Целая улица, русские вечера каждую субботу, всё приличная публика, из окна форель ловить можно!.. Тридцать пять миллионов уже из страны выехало, и совсем не колхоз.

– А случись чего, кому мы там нужны? – Мать недоумённо пожалала плечами. – Здесь какая-никакая поликлиника своя.

– Вот именно – никакая! Забыла, как тебе там пневмото-ракс заведующая уколом забацила? И ничего, уверен, она работает и дальше. Там, случись что, есть страховка и гарантированные гражданские права, а не липовые. Не скажут «нету тела – нету дела», я тебе примеры до утра могу перечислять, хотя ты и сама всё знаешь.

– Сын, сын! – прервал его физик. – Я знаю всё, что ты хочешь сказать. Не надо. Не надо, всё и так понятно и известно. Я знаю, – он помедлил, – ты вернёшься, со своими ребятами,

вы все, с детьми и жёнами. То, что происходит – это наша вина, моего поколения. – Он говорил тяжело, с большими паузами. – Я не знаю, как исправить, я умею лишь хорошо делать своё дело и буду делать его до конца, чтобы вам было куда возвращаться... Ты уж прости.

Он замолчал, его руки с выступающими венами лежали на клеёнчатой скатерти. Только указательный палец подрагивал, словно выписывал что-то мелким почерком в воздухе.

– Сколько возможностей не использовали, сколько людей потеряли! Я вижу, что страна во власти вора, вижу плесень реваншизма, пожирающую умы и наше будущее. Но вот что делать – ума не приложу, не понимаю. Чем лучше я делаю своё дело, тем хуже – мной, моим трудом туранчоксы прикрывают страшные лица жулья и бездарей, отбивают растасканные деньги. Но уезжать не буду. – Он замотал пальцем правой руки перед носом невидимого оппонента. – Свою ношу надо нести до конца. Я всегда был честен и знаю: судьба даст мне шанс за это что-то поправить, внести свою лепту, может, хоть кому-то помочь, чтобы не было так стыдно перед вами, избавиться, как говорит твоя мать, от этого когнитивного диссонанса фрустрированной личности. – И он криво усмехнулся.

– Да не нагоняй на себя напраслину. – Сын сел. – Не ты один голову ломаешь, и вины твоей тут ни в чём нет. И диссонанс – он не внутриличностный, а как раз между личностью и бытием, то есть страной, с её парадигмой и укладом.

И это не та ситуация, в которой, не справляясь, ты должен измениться сам. Наоборот, здесь необходимо изменить страну, окружение. И отдельные личности здесь ни при чём, вопрос, понимаешь, системный.

– Вот смотри, – продолжал он. – Феноменологически на сегодняшний день политический уклад в этой стране мыслители обозначают как президентско-монархическую республику. Прагматически же речь идёт об эволюционирующей форме ордынской сатрапии. В психике человека, как известно, в его подсознании очень чётко укореняются успешные модели поведения, особенно те, которые при встрече производят болевой или устрашающий момент фиксации. При длительном воздействии и собственном положительном опыте они оседают в геноме человека как устоявшиеся программы и выживания, и развития. Ордынская модель сатрапии или самоуправляемой колонии сформировала и задавала дальнейшую форму развития российской государственности. И её живучесть и эффективность была доказана столетиями. Она же сформировала отношение государства к человеку как статистической единице дохода и ополчения. Отношение же человека к власти было сформировано как к сакральному престолу, центру, который всё знает, понимает и видит. Судить, размышлять, решать – это удел главы, остальные должны рьяно исполнять приказы и пожелания, соревнуясь в исполнительском мастерстве и холопьем угаре, при этом благоговей от своей причастности.

Подавленное личностное развитие, неразвитая система критичности и ответственности приводит к инфантильности человека, его боязни свободы. Свободы действий, свободы суждения и принятия решений. Последнее – одна из самых энерго-, психо– и интеллектуально затратных функций любого человека, то, чего пытается избежать любой живой организм, если только он не приучен к этому регулярными тренировками и занятиями и эффект от этих затрат для него очевиден и привычен. В отсутствие тренировки работает энергосберегающая функция, и ответственность, с благодарностью от облегчения, перекладывается на того, кому она положена по «статусу». Но внутренняя мораль, которая является проявлением божественного и высшего в человеке, внутренний закон развития, как высшая доминанта, не могут быть подавлены извне или враньём самому себе!

Он всё больше и больше заводился.

– И возникают нарастающие противоречия, для временного подавления которых используются суррогаты о сакральности власти, взятые из религии, и химические инвазии, вроде алкогольных возлияний. Однако это порождает крайнюю неприязнь к тем, кто на это не пошёл, им сразу вменяется в вину покушение на коллективные устои и безопасность. И чем сильнее сам себя унижает человек, тем ярнее он нападает на того, кто этого не делает или пытается освободиться, и тем самым человек ещё больше себя унижает и загоняет. Унижается перед вышестоящим и, в свою

очередь, упивается властью над нижестоящим и ненавидит живущих по-другому. Это и есть главная проблема тоталитарных систем. Сообщество свободных личностей должно строиться по другим законам.

Тут он закашлялся и налил себе заварки, подождал, пока мать вскипятит чайник, выслушивая её замечания по поводу недоказанности передачи моделей психического поведения через генетический аппарат, и через минуту, глотнув горячего чая, рьяно пахнувшего ароматом свежей лимонной цедры, продолжил:

– Так вот, наличие этого внутреннего индивидуального противоречия приводило бы к нарастанию напряжения и подрыву системы через бунты, восстания и революции, если бы не наличие врага. Россия всегда воевала, потому что война требует мобилизационного положения, этого необходимого атрибута ордынской модели, при котором все ненужные раздумья и внутренние неурядицы теряют своё значение. «Вот кончится война, тогда и...» Если врага нет, его создают – модель требует. Диктат и беспрекословное подчинение – наиболее рациональная модель при военном положении, и подвергать это сомнению есть противодействие «героической» борьбе или враждебное поведение.

И, наверное, главное! Мы отдаём, сдаём своё важнейшее чувство самости, ответственности перед людьми и богом царю, главе. И поскольку сделка эта ничтожна по совести, мы начинаем оправдывать её, наделяя правителя несуществую-

щими, практически божественными чертами. И чем порочнее наши действия, тем злее мы их защищаем. «Царь непогрешим!» Когда в России произошёл гигантский кровавый большевистский эксперимент по смене режима, всё одно – страна скатилась к выбору мудрого и справедливого царя, пусть и называя его генсеком. Остальные, коих было уже немало, стёрты с лица земли.

Это, повторюсь, было predetermined уже в геноме русского человека, так же, кстати, как и миллиардов азиатов – таких же бывших ордынских колоний. Жажда строгого, но справедливого батюшки-царя – это и есть чаяние практически всего гражданского общества России, если его вообще так можно назвать. Поэтому в противостоянии первого президента и парламента народ поддержал «царя», несмотря на всю незаконность его действий. И подставил снова шею под хомут и спину под кнут... И повёз... И выстроить ничего не смогли, и перенять у других – мы ж особые, Третий Рим, нам никто не указ! Вот и откатились через века во времена Ивана III. А с учётом пропитавшего всё духа уголовной романтики, вороватости и пьянства, выстроили подобие усовершенствованной зоны. А кто не согласен, ломанулись отсюда при первой возможности. Правда, вместе с ними и насосавшиеся новые хозяева с отпрысками.

– Про орду, зону и клептократию мы начитались и наслушались всего такого, – прервал затянувшийся монолог отец. – Правда в твоих словах есть, спорить не буду, но по

поводу народонаселения и новых устоев ты сильно обобщаешь. Хотя бы мы с матерью тебе прямое опровержение.

– Я говорю о кривой Гаусса, о нормальном распределении, и естественно, есть 32%, которые под него не попадают.

– Не думаю, что поминание Гауссова распределения здесь корректно, но мысль твоя, впрочем, понятна. Только я не об этом вообще хотел сказать. Ты знаешь наше правило – не критиковать, если тебе нечего предложить. Иначе можно долго воду в ступе толочь.

– Ты хочешь услышать от меня программу переустройства громадного, напроць, патологически аберрированного государства? – Он начал сжимать и уплотнять руками в воздухе воображаемый шар, крепко вдавливая в него пальцы.

– Именно, коротко, тезисами, пунктиром, давай! Только без умных словечек и болтовни, без рассказов о моральных ценностях, свободе или о том, как у них там сделано. Дай физику, механику действия, чтоб здесь заработало. – Старик откинулся на стуле, и в сумраке комнаты с единственной горящей декоративной лампочкой-светильником его черты заострились, а взгляд стал жёстким и холодным.

Сын улыбнулся – да, именно таким отца знали и боялись на учёных советах, защитах диссертаций и дипломов. Хотя со временем он помягчел, подобрел, и это тут же сказалось. На кухню вернулась мать, выносившая мусор, упёрлась на него корящим взглядом, тот затряс понимающе головой и сказал:

– Хотя бы пару идей, ты ведь человек умный, общаешься с такими же, читаешь, думаешь. Куда идтить, с чего начать?

– Я к этому, собственно, и вёл, профессор. – Он продолжал тихо улыбаться. Он любил своего запальчивого отца, а уж смутить себя прямым вопросом давно никому не позволял. У него была хорошая школа. – Наша компания, – продолжал он, напустив на себя масонской загадочности, – совместно с лабораторией Энхауза разработала программу перемагничивания генома человека, исходя из заданных параметров, и его корректировки по методу Брыля.

– Чего?!

– Вот смотри. Всё помещается в портативном устройстве. Он вынул из внутреннего кармана коробочку и извлёк из неё цилиндр хрустального вида с металлическим орнаментом, поставил на стол и нажал кнопку на крышке. Верхнее металлическое кольцо съехало чуть вниз, колба испустила серию ярких вспышек с загадочным электронным свистом, и вся комната озарилась переливчатым светом, по стенам и мебели побежали цветные звёздочки-огоньки. Кто-то громко бздякнул пустой чашкой о блюде. Профессор устался на сына, как на умалишённого, тот в ответ рассмеялся.

– Шучу! Шучу! Сам на это попался. Ты извини. – Он продолжал смеяться. – Просто ты так начал на меня наседать. Кстати, это сувенир. «Лампа счастья» называется. Смотреть каждый день по две минуты. Программирует нейроны головного мозга на счастье. – Он выключил устройство, положил

в коробку и пододвинул к отцу. – Заряжается от mini-USB.

– Ага, я понял. Спасибо. Знаю кому показать. – Он тоже заулыбался. – Есть тут один специалист по НАТОвскому климатическому оружию и зомбопрограммам.

Он посмотрел на жену, та тоже понимающе кивнула. На минуту все замолчали и сидели, улыбаясь, думая о своём. Видно, лампа всё же сработала...

– Ну а если серьёзно, – сын подался вперёд и облокотился на стол, – у меня есть некая концепция, с чего начать. – Он возвращал аудиторию к прежнему разговору.

– С осознания и принятия нашего азиатского мировоззрения и мироустройства. – Старик явно находился в улучшенном настроении и вертел в руке сувенир. Эффект от лампы, видимо, ещё не прошёл.

– Это само собой. Первое – это понять и правильно сформулировать, то есть определиться, что такое государство. Я как-то поискал определения в интернете. В общем, все сходятся на том, что это организация политической власти и администрирования, обладающая аппаратом и механизмами принуждения общества, бла-бла-бла, с целью его управления, обеспечения функций, бла-бла-бла, отделённое от общественной жизни, бла-бла-бла, определяемое территорией и населением и прочее. То есть это абстрактное устройство, механизм с механизмами, где человек и общество отстранены и являются объектами воздействия, включая принуждение, для их же блага, с указанием во многих определениях,

что конечным бенефициаром (простите, выгодоприобретателем) или заказчиком является власть – власть политической партии или господствующего класса. Добавляющие последнее, видимо, пытаются выглядеть честными и пронципальными.

Чтобы было проще, я проведу аналогию с фирмой или компанией. Конечно, открытой акционерной, как соответствующей идеологии демократической концепции. О единоличном владении говорить не будем, официальные королевства в наше рассмотрение не входят. Так вот, берём АО со своим аппаратом, структурой, средствами и способами производства. Реальная стоимость определяется по балансу, рыночная – котировкой акций и деривативов или умением представить себя с хорошей стороны. В укрупняющейся компании рабочий персонал всё больше подбирается по клеткам штатной структуры, а не по индивидуальным достоинствам и характеристикам. Управляющий персонал – в силу развития внутренней бюрократии и интриг, по принципу удобства и безопасности действующих членов. Выше стоит правление, совет директоров, независимые директора и собрание акционеров, которое понимает и видит только то, что ему дают понимать. Растём, укрупняем, офисы-пентхаусы, лимузины – и организация пожирает себя. Займ за займом, кредитом на кредит – и точка – санация с временным управляющим. Расплачивается в итоге на государственном уровне...

– Народ, то есть твои акционеры.

– Правильно. А в случае общественно значимых компаний и банков – народ через механизм господдержки. Руководство на золотых парашютах планирует прочь. По закону компания отвечает только своим капиталом.

– И?

– Я изучал разные компании. Есть, конечно, и другой подход, который мы реализовали в своей фирме. В нашей сфере IT-технологий каждый специалист уникален, каждый тщательно подбирается, и нередко рабочее место создаётся непосредственно под человека. Как часть контракта, у него есть право покупки акций компании по льготной цене. Это такой бонус. Хорошо работаем – акции растут, работники получают больше прав на покупку акций, ведь их тут же можно продавать с прибылью. Но все держат их на руках, наблюдая ежемесячно за их ростом, и снова покупают. А деньги возвращаются в оборот компании. Это, конечно, упрощённо. У всех подогревается общий интерес работать лучше, радоваться за успехи коллег, предупреждать об ошибках и пр. В общем, микрохозяева. Среди недели – совещания по апдейту фирмы, рассматриваются все, даже несуразные предложения по оптимизации и развитию. Система приобщения персонала к управлению компании. Директора по направлениям, как охотники за головами, рыщут в поиске достойных программистов – это товар штучный, некоторых отслеживают с колледжа. Наш капитал – интеллект и отдача. Есть даже

система, порядок трансферта между отделами, чтоб просто так не переманивали.

– А кадровик? Есть у вас? Он вообще тогда нужен?

– Есть, но это вообще отдельная история. Он обеспечивает всё, что не относится к работе. Билеты на самолёты, на матчи и шоу, гостиницы. Подарки жёнам и детям, техосмотры и ремонты машин. Организация дней рождения, именин. Встречи и проводы делегаций, корпоративы. Всё про всех знает. Разработал приложение и заставил всех заполнить со всеми личными данными, включая родственников. Мы его зовём Спрутелло, мега-активный итальянец. И при этом полная программа допобучения и профподдержки тоже за ним. У нас такое мини-государство со своим флагом и кодексом поведения. Бухгалтерия на аутсорсинге, но есть спец, который за ними следит и даже аудиторам клизмы вставляет. По его требованию мы две топовые компании сменили из-за несоответствия цены качеству – тот самый случай жирных котов с надутыми щеками. Он же консультирует персонал по налогам, страховым схемам, помогает заполнять бумаги. Есть контрольная группа, следящая за всеми работниками и управленцами, из своих же работающих специалистов, и есть третейский суд.

– Понятно, понятно. Мечта компьютерщика, чтобы ему чипсов подсыпали и зад подтирали. – Мама видела всё по-своему. – А жён в рестораны или детей на праздники и в школу тоже помощники водят?

– Я просто хочу сказать, что мы рассматриваем человека, специалиста, как основную ресурсную единицу, обеспечивая ему фон и поддержку для максимальной производительности, – игнорируя колкости, продолжал сын. – И это окупается, это оправдано. Вот, к примеру, произошёл случай.

Из-за внезапного банкротства нашего крупнейшего заказчика мы попали в финансовую дыру. Мы собрались все вместе, ситуация была угрожающей. Банки в то время ввели ужесточение кредитной политики, а мы, вместе с другими контрагентами нашего заказчика, автоматом попали в лист ненадёжных. Надо было найти нестандартный выход или закрыться. И тогда, вместо того чтобы выставить требования по зарплате и экстренно скидывать обесценивающиеся акции, все работники решили скинуться, включая тех, кто работал на удалённом доступе. Люди сами спасли свою фирму, без посторонней помощи. Аналогию со страной сами можете провести. Всё оформили продажей опционов на акции нашей компании на старых условиях. А через две недели мы подписали контракт с другой корпорацией и за месяц доработали продукт под неё. Получили деньги и аванс под следующий этап. Акции ещё подросли, и все получили только выгоду от этого кризиса.

Так и государство должно рассматриваться не как машина, пережёвывающая людей и ресурсы, а как общность людей со взаимными интересами, объединённых общей культурой, историей и чёткими правилами проживания. Человек,

а не недра, должен быть основным ресурсом. В него надо вкладываться, растить как личность и профессионала, основу правопорядка и национальной культуры. В современной цивилизации стоимость традиционных ресурсов убывает, их заменяют новые высокотехнологичные материалы и процессы. Именно знания, технологии составляют основу капитала государства, так же как и основу его оборонной мощи. Ваша нефть – лишь игрушка в руках нескольких монстров, она может упасть в разы, оставив без порток в первую очередь народонаселение. А государство, которое первое добьётся результатов в разработке холодного термоядерного синтеза или в вакуумной энергетике, получит надолго доминирующее положение в мире. И создавать этот капитал, управлять им смогут только подготовленные, обученные и развитые специалисты. А чтобы не потерять их, они должны ощущать себя государством, быть его сутью и принципалом.

Он замолчал, обдумывая, как сформулировать свою мысль, чтобы лучше донести и не пойти по второму кругу. Отец же сидел, упёршись лбом в ладонь, смотрел в пустое блюдце, и не было понятно вообще, участвует ли он в разговоре. Возникшей паузой воспользовалась мать:

– Сынок, если ты позволишь, я долго слушала... Нельзя так уж упрощать истоки действительно рабского поведения нашего народа. – Она возвращалась к середине разговора. – Нет в нашей крови ничего ордынского, как хотелось бы некоторым. Это показали исследования генетиков. Во вся-

ком случае, не более, чем количество, объяснимое пограничным смешиванием. И по духу мы – не они, это всё разговоры в пользу обиженных. Словечко это – «сатрапия» – ты взял из персидской истории, где Кир выстраивал государство по тем же принципам, что и Чингисхан, задолго до появления последнего. Так что подобное развитие событий носит скорее системный исторический характер, а не случайный и исключительный, «жертвами» которого мы стали. В Средние века победила та модель государства, которая доказала свою эффективность, и если бы Московское царство не прошло столь болезненную и жёсткую централизацию, вряд ли бы оно устояло от нашествий других государств, и в первую очередь западных. Те тоже проходили через такие же процессы: и централизация, и затяжные опустошающие войны. Иногда в исторических процессах достаточно одной дополнительной детали, чтобы полностью поменять картину. Такой, как сильный военный или религиозный лидер. В нашем случае это и православие, и огромные расстояния, на которых плотность информационного обмена и контроля резко падает. А это почти всегда приводит к самодурству, лени и непредсказуемому, затаённом ожиданию реакции сверху. И скидывал наш народ царя, и заплатил огромной кровью за право жить без него, но только выстроить что-то принципиально новое не смог. Не хватило знаний, да и сейчас тоже не хватает. И не забудь про десятки миллионов убитых и репрессированных в ещё совсем недавней истории. Для лю-

бой страны и нации, какой бы передовой она ни была, это тяжелейшее шоковое поражение, приводящее к духовному параличу. Что до твоей концепции развития государства как набора развивающихся свободных личностей, то это звучит, конечно, красиво. Вот только личность, развивающаяся без жёстких рамок и надлежащего контроля, почти всегда будет направлена в сторону распушенности. Борьба между внутренним желанием и внешним ограничением создаёт почву для творчества...

– Ма, тебя уносит совсем в сторону.

– А ты не перебивай, я лишь хотела напомнить тебе кое-что, те же уроки Древней Греции и как закончился золотой век государства свободных граждан. Мы слишком плохо знаем, понимаем и ощущаем процессы, лежащие в основе построения сложной и многовариантной системы, называемой государством. И чтобы убедиться в этом, достаточно включить телевизор и увидеть весь этот бардак, творящийся сегодня повсеместно, повсеместно. Конечно, государство строится на людях, которые, – она опять по-актёрски подняла указательный палец, – есть союз противоречивых стихий, мечущийся огонёк под воздействием борющихся ветров. И если проявлять излишнее внимание к человеку, то надо изучать и стихии, которые воздействуют на него и порождением которых, собственно, он и является. А это заведёт нас опять в теософию, философию и метафизику. И упрощёнка твоей фирмы как модель на больших размерах и процессах просто

развалится.

– Меня отец просил лишь привести концепцию, пример. По-твоему, получается...

– Мать! Правда, уже шарики за ролики заезжают, – внешне и резко вмешался в разговор отец, устало посмотрев на спорящих. – Я просил – он привёл. Как физик, могу сказать одно: качественное изменение частей системы приводит к многократно качественному изменению самой системы, к возникновению внутри неё принципиально новых связей и взаимодействий. И тут он прав, правильное государство – это общество, построенное на принципах, содействующих многоплановому развитию именно человека как личности. А ты права в том, что хорошо бы знать, куда идти, прежде чем рисовать, как идти, и что человек бесконечен в познании, так как развивается вместе со знаниями о нём. Но вся наша история, история развития, включая науку – это просто движение вперёд без осязания конечной цели. Это наш путь. И... Не, вот и меня чего-то понесло. Я уже устал, надо идти спать, завтра опять на работу. Последнее, что хочу сказать: чтобы переменить вектор развития страны, нужна не только чёткая концепция построения оной и «предпосылки», но и простой жизненный механизм перехода. А откуда это всё возьмётся, кто это будет делать, я совершенно не вижу, и никто не видит. Ситуация патовая. Баю-баиньки, – помахал он рукой присутствующим, а может и всей стране.

Отец тяжело встал из-за стола, то ли от мыслей, то ли от

усталости. Сын стал собирать посуду и попросил оставить хлопоты на него, чтобы ещё немного подумать и успокоиться перед сном. И моя посуда на маленькой кухне, он думал, как странно, что земля русская полна умными людьми, но их мнения никто не спрашивает, ибо они переполнены сомнениями. Предпочтение же отдаётся людям решительным, которые оперируют, в основном, своим мнением и интересами и не заморачиваются по всяким пустякам... И как вообще порочна эта система, и как прав отец, что выхода не видно, и как, должно быть, ужасно неприятно ему осознавать это.

Однако всё не так и плохо, ведь люди могут создавать то, что раньше казалось невозможным. Вот покатится камешек с горы, и случится то, что должно случиться. И тот, кто нам мешает...

Глава 2. Кассандр

Как-то давно, сидя рядом с караванным верблюдом на песке с закопанными в нём ящиками оружия и провожая взглядом самолёты «дружественной авиации», один бывалый спец-контрразведчик задумался, что за странный позывной «Кассандра» ему дали и почему он так потом за ним и закрепился. Кирпич энциклопедии, заменявшей тогда интернет, поведал ему историю несчастной провидицы и вестницы бедствий. Сходство было очевидным, не внешнее, конечно. Подобно ей, он многое видел наперёд, ему это было очевидно, но его никто не слушал, не воспринимая ни фак-

ты, ни логику, ни доскональный прогноз событий. Сколько жертв, катастроф и просто несчастных случаев можно было бы избежать, если бы высокое, напыщенное начальство внемлило разумным доводам профессионала. Как всё вообще могло бы выглядеть по-другому. Но взамен он слышал. «Этот ваш опять накаркал, чёрт». Злоба и раздражение.

Он был человеком аналитического ума, специалистом высшей пробы, свободно владел арабским и тремя европейскими языками. Второй факультет Высшей школы госбезопасности. Его умение предвидеть стороннему человеку могло показаться действительно экстраординарным. Возможно, и вправду здесь не обошлось без каких-то специальных способностей. Его уважали как коллеги, так и НАТОвские спецы – какую-то часть жизни он проработал открыто в представительстве. Даже спустя десятилетия он получал приглашения посещать с визитом семьи «коллег» в Норвегии, Германии и Франции. Кто мог преломить барьер его тяжёлого взгляда и высокого ценза, тот впадал в крайнее к нему расположение, в основном из-за незаурядных человеческих качеств.

Не менее интересной его частью была жена – постоянный спутник и помощник в работе, награждённая именным оружием и заслуживающая отдельного рассказа, что, к сожалению, выходит за рамки нашего повествования. Но чтобы не сложилась превратная картина, надо добавить не менее важную его сторону – он был боевиком: мощным, решительным,

быстрым, командным, надёжным, находчивым и весьма везучим. Везуч он был и в шпионаже, за что в своё время получил правительственную награду. Он, как и его товарищи, служил своей стране и своему народу, но не режиму. Поэтому когда им в девяносто третьем приказали стрелять в народных избранников, защищавших Белый дом, они сделали свой выбор и вывели сдававшихся людей из здания, закрывая собой. За это их и расформировали.

Понимая, что теперь надо не спеша осмотреться и хорошо всё обдумать, наш спец решил воспользоваться отставкой, чтобы исполнить свою мечту – уехать пожить в маленький домик на Волге, топить печку, рыбачить на лодке. Грибы, ягоды и парное молоко. Поначалу так и было, но вскоре стали приезжать знакомые – время было лихое, и его навыки были крайне востребованы. Кому поднять бизнес, кому защитить семью, кому вернуть служебные деньги и многое, многое прочее. А ему тоже нужны были деньги – скудные запасы быстро истощились.

Брался далеко не за всё, но сидеть и киснуть в глуши его не привлекало. Он часто выезжал за рубеж, вывозил и, наоборот, возвращал целые состояния. Бывало, возглавлял оборону, но главное – выстраивал переговоры и цепочки людей. Но и это не входило ни в какое сравнение с его предыдущей работой. «Я словно трактор, к которому прицепили столовую вилку», – жаловался он жене. Но к большому бизнесу он не приклеился, ему совсем не импонировали правила, по

которым тот развивался в стране. Поэтому он раз за разом возвращался назад в избу на берегу, но не только для того, чтобы сидеть в кресле у печки и читать любимые книги.

Все деньги, получаемые от дел, он вкладывал в развитие собственного рыбного хозяйства. О том, что все сторонние дела рано или поздно закончатся, Кассандр знал наперёд и искал надёжный, стабильный источник дохода. Сначала внешне всё выглядело странно и неприятно. Его обворовывали во время отъездов, обворовывали и в пребывание, спуская дамбу ночью при участии его же охраны из местных. Но он освоил правила игры, заведя все необходимые связи и уникальную охранную организацию из привезённых бойцов. Скоро укрепил свои позиции территориально и экономически, и каждый год количество рыбных резервуаров прибавлялось.

Их структура выглядела странной – так, к примеру, один из прудов был выкопан вообще на вершине холма. Но всё имело свою суть и назначение. Тот верхний пруд был назван «барской купальней», ибо был выложен морёным дубом, имел великолепный вид на излучину реки, а вода в него подавалась через фильтры и далее ниспадала каскадом и водопадами в лежащие ниже резервуары. Там же стояли простенькая баня и летняя кухня, и все гости оставались очень довольны, а воду в купальне принимали за минерально-лечебную. Но на этом все изыски и заканчивались, вся остальная территория выглядела дикой, за исключением кругом

накопанных прудов и прудиков.

Как-то, спустя годы, во второй половине августа к нему приехал старый товарищ, а ныне руководитель его ветеранской организации, но не один, а с высоким действующим чином из их линейки. Тому уже давно обещана была уникальная рыбалка у «проверенного кадра». Лето переменялось на осень, и рыбалка во всех видах удалась. Мужики заболтались, сидя в подстывшей воде купальни, и, когда поняли, что пора вылезать, были уже сильно посиневшими от холода. Чтобы не простыть, решили употребить настойки на травах, обильно украшавшие стеллажи на кухне. Хозяин открывал банку за банкой, но гости бранились, говоря, что все они выдохлись, градуса нет, хотя в реальности все настойки, как и гости, были далеко за сорок. Так уж бывает с сильно подмёрзшими людьми. Когда дело дошло до самогона на берёзовых углях, все оттаяли. На столе уже появилась горячая картошка с грибами, соленья, ну а про рыбу во всех её видах и икру и говорить не приходится.

Когда утром солнце взошло над рекой, почётный гость уже был на ногах. В каком бы виде и где бы он ни просыпался, он всегда отправлялся на пробежку. Его сердце было как мощный мотор и с лёгкостью гоняло по широченным артериям кровь, в какой бы пропорции она ни была перемешана с алкоголем. Он не успел ещё далеко отбежать от дома, когда случился конфуз. Желудок не выдержал вчерашних деликатесов и возлияний и разразился жуткой резью и

расстройством. Генерал прямо-таки отпрыгнул в кусты и попытался снять штаны, но плохо завязанный бантик верёвки превратился в подлый узел. Он рванул верёвку со всей дури, речь-то уже шла о секундах. Есть в жизни моменты, когда жуткое недомогание превращается в удивительное облегчение... «Если бы ещё не эти чёртовы комары да муравьи», – подумал генерал, но тут вдруг случилось нечто.

На том самом месте, где он резко свернул с дороги, остановился мотоцикл и, судя по виду, хорошо знакомому по фильмам про войну, это была немецкая военная мотоколяска. А уж военный человек даже сквозь кусты без проблем мог узнать закреплённый немецкий пулемёт МГ-42. И в довершение один из мужчин, встав с мотоцикла и посмотрев в бинокль, стал что-то быстро говорить напарнику на немецком. Картину дополняли маскировочная форма и каски соответствующего профиля. Они явно искали именно его.

Как только мотоциклисты удалились, генерал на полусогнутых кустах рванул к дому. Его голова и так после вчерашнего работала процентов на десять от номинала, а тут вообще все мысли перепутались. Надо было срочно предупредить товарищей, достать оружие и телефон! Хозяин с шефом-ветераном мгновенно вскочили от крика, как по тревоге, и стали быстро одеваться, пытаясь спросонья мутным сознанием понять крики генерала. За дверью послышался скрип тормозов мотоцикла, все переглянулись, и тут хата взорвалась! От хохота. Эти двое мерзавцев начали смеять-

ся во всю мочь, сползая на пол, а посреди комнаты стоял взъерошенный большой начальник и круглыми недобрыми глазами смотрел на происходящее. В правой руке он держал именную пистолет, левой поддерживал спадающие спортивные штаны с разорванной верёвкой.

Через пять минут хозяин разливал из запасённой банки настойку на цитрусовых корках и, вытирая рукавом всё ещё наворачивавшиеся от смеха слёзы, начал рассказывать. Немцы эти таковыми и являлись в действительности. После провала и измены охраны из местных пришлось искать действенную альтернативу. На эту работу удалось подписать волжских немцев, людей организованных, работающих и живущих устоями, вполне подходящими для этой задачи. Но в самом деле, не из столицы же вести ЧОП. У них уже были документы на свою охранную фирму. Маскхалаты и прочее закупили в военторге. Мотоциклы у них были свои, старенькие «Уралы», полностью некогда передранные с немецких. А пулемёт нашли при раскопках пруда, полностью ржавый, покрасили чёрной краской и в качестве бутафории закрепили на коляске. Так, для острастки. Работали они на пятёрочку, и вскоре прибыла вторая партия, но уже разнорабочих, трудились вахтенным методом, только платить приходилось им по столичным меркам, иначе бы не поехали.

Днём охранники остались на периметре, чтобы не мозолить глаза приехавшим и не портить картину, но с ночи до утра обязаны были дежурить внутри.

– Да, я ещё вчера заметил у тебя наблюдательные точки и фортификационные элементы, это помимо колючки и прочей фигни, – оправдывался гость. – А оказывается, ещё и посты с мобильными патрулями! – Он криво улыбнулся. – На кой ляд такой плацдарм? Это те не Голанские высоты!

И тут хозяин пустился в долгий и эмоциональный рассказ о бедах его хозяйственной жизни. Чем дальше, тем больше он распался, рассказывая о крайне непростых и многослойных отношениях с администрацией и их «близкими», с местным населением и приезжими гастролёрами. В его речи стали уже звучать такие слова, как «террор», «зачистки», «минные заграждения», а когда он дошёл до аннулирования правовых документов, вид у него стал весьма злобный и опасный. В этот момент гость подумал, что надо бы вытаскивать этого спеца отсюда, прежде чем над Гадюкино воссияет звезда Новой Палестины и, не дай бог, придётся вводить режим КТО в средней полосе. Мужик-то был толковый и из системы, мог бы ещё пригодиться на правильной пашне.

– Повторю свой вопрос, – сказал генерал. – На кой ляд тебе это всё сдалось? Продай, как предложили, и возвращайся в строй, уж место тебе нормальное найдём, отобьёшь всё со временем назад.

– Я не в запасе, а в отставке, куда ты меня всунуть хочешь? В ВОХР?

– В действующий резерв, есть теперь такая форма. Двойное подчинение. Найдём достойную должность в банке или

солидной компании. . .

– Да не, на этих я насмотрелся уже. – Кончиком ножа он вырезал на солёном огурце какой-то народный узор. – Мне б в науку, к космосу поближе.

– Зачем? Там не прокормишься.

– А мне, скажем, корм не нужен, я рыбы да балыка насолил до конца жизни, более чем достаточно.

– В чём тогда цимус?

Хозяин поводил снова какое-то время взглядом по столу и брякнул:

– В тарелках. Я так полагаю, что у нас, как и у американцев, должны быть ангары с летающими тарелками. И кто, как не физики. . .

– Есть подходящее место, – резанул гость. – В Ганушках! Тарелок не обещаю, но пара «пилотов» легко сыщутся. – Шутка как-то не отдавала теплотой юмора. – Хорош папе нос крутить, говори, зачем они тебе.

– Лан. Я знаю о резерве и знаю, приблизительно, кого и куда распихали по-крупному, да и остальное тоже понятно. Приличные места все разобраны, если только кто-то где-то обделался. Наука же вне оборонки вряд ли кого интересуется, они нищebroды, две трети уже поубегали. Но думаю, скоро деньги и туда начнут закидывать. А там омут глубокий, годами можно вкладывать, а эффекта и не увидеть. Понимаешь, о чём я? Да, и по делу. – И тут блуждание его глаз прекратилось, взгляд стал монолитным. – Если нефть не начнём в

науку перековывать, то лет через тридцать ляжем. А с моими навыками я там буду аккурат на месте, поболее, чем другие.

– Хм, слова мужа. – Гость сидел, обдумывая. – Пожалуй. Что ж, считай, договорились. Будешь там осетров разводить, – двусмысленно добавил он.

Через две недели приказ был оформлен, и начался путь Кассандра в Конфитюры. Хозяйство своё он продавать не стал, а передал полностью местному колхозу, сказав председателю странную фразу: «Это ваша доля». Там вскоре началась настоящая вакханалия: мужики ходили с бреднями, кидали борную кислоту, но улова особенного не было. Поэтому по осени кто-то прокопал ковшом дамбу и спустил воду, естественно ради рыбы. К чести местного народонаселения, нашлась пара совестливых и хозяйственных мужиков, которые попросили у председателя бульдозер и кусок трубы и восстановили, как смогли, дамбу под весенний паводок.

Хозяйский дом к весне разграбили, металлическую дверь вырвали трактором вместе с куском стены, всё унесли, крышу разобрали и даже доски из пола повыпиливали.

В апреле основной пруд наполнился до краёв, но вода нашла лазейку под новой переливной трубой, и дамбу смыло полностью, даже ниже прежнего основания, образовав глубокий овраг, куда и упала труба. На дне его как-то мальчишки нашли старую зелёную медную монетку, повертели в руках да и швырнули в кусты. А напрасно, ведь это и были остатки той самой «солёной рыбы», которой, по словам хо-

зяина, он запасся впрок. Одна такая монета уходила на аукционе от ста до четырёхсот долларов. Наш герой знал, чем занимался. Рыба была прикрытием и отличной маскировкой раскопок.

Первую партию монет и украшений, найденную в захоронении на вершине того самого холма, он отправил в музей на экспертизу. Не получив ответа, поехал разбираться. И тогда ему открылась потрясающая картина хищений из музеев страны, сотни тысяч редчайших музейных экспонатов были вывезены за границу. Вывозили полотна, книги, а уж о монетах, не слишком любимых музеями и державшихся в запасниках, и говорить не приходилось. Поэтому, поразмыслив, он принял решение поделиться с государством «по совести»: ценные находки оставил себе, их сбыт организовывал один сильно обязанный ювелир – таким манером наш спец обеспечил себе нормальное пенсионное накопление вместо государства, которое должно бы было это сделать. А последнее получило недешёвый рыбоводческий комплекс, выстроенный, надо сказать, на ранее заработанные деньги, плюс краеведческий музей получил ящик, в который бережно было уложено наследие времён, не имеющее выраженной материальной стоимости. А люди получили удочку, которой могли бы ловить рыбу, но быстро поменяли её обратно на несколько рыбин.

По истечении работ Кассандр заскучал, время поменялось, и его более не звали на выполнение разного рода пи-

кантных задач. Поэтому он решил вернуться назад в столицу к какой-нибудь более-менее интересной работе. Они со старым товарищем придумали сценарий возвращения посредством приезда высокого гостя, что и было блестяще исполнено.

Трудно и долго объяснять, что за действующий резерв и по каким правилам он работал. Достаточно, думаю, сказать, что Кассандр стал прикомандированным сотрудником безопасности, курирующим несколько научных организаций и НИИ. Его мало кто знал, под ним было несколько непосредственно прикрепленных к организациям офицеров. А обязанности его распространялись от антитеррора и антишпионажа до несанкционированного использования обветшавших методичек ДСП в туалетах организаций. Естественно, «экономическая безопасность» и неформальные стороны жизни сотрудников были его центральным приоритетом. Это придавало какой-то интерес работе, но всё равно окружающая действительность сильно угнетала его, чем дальше, тем больше. И заданный некогда вопрос «Зачем тебе это?» всё настойчивее требовал честного ответа. А его не было. Кассандр обладал не то чтобы интуицией, а каким-то комплексом тонких предчувствий, с которыми он давно наладил уважительные отношения. И эта его особенность заставляла совершать движения по сходящейся спирали вокруг его поляны, словно утягивая пружину внутри.

И вот, он уже сидит скрученный за столом посреди новой

квартиры в доме «паствы» его. Засунув локоть правой руки под левую подмышку и уперевшись плечом в край стола, читает придурковатое письмо, присланное ему спецкурьером с короткой сопроводителькой и личной просьбой сверху. И начиналось оно со слов: «Мон шер...» Он имел давний интерес к автору письма, и жил-то он теперь прямо рядом, можно было за солью зайти. Но дело требовало официоза и подготовки (так говорил ему здравый смысл) и должно было пройти ровно и без эксцессов. А вот компас предчувствий лихорадило, стрелка быстро вращалась то влево к ребячьей радости, то вправо к опасности. И это интриговало, наполняло грядущий день неуловимым смыслом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.